

Оригинальная статья
УДК 101.1; 130.2; 316; 81:39; 316.77; 711.4
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-4-5-17>

Молчание как высказывание: мембрана городской топологии

Оксана Александровна Штайн

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
shtaynshtayn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>*

Введение. В статье рассматривается молчание как граница между публичным и приватным, пересечение которой может трактоваться как нарушение, но и как создание нового образа публичности. При множественном пересечении, если опираться на выводы Ханны Арендт, создается не просто образ публичности, но особое место политического со своими границами. Образ становится образом действия, возмущенное или укоряющее молчание делается политическим актом, выход за пределы привычной речи и становится выступлением, выступанием вперед.

Методология и источники. В статье анализируются с опорой на феноменологический метод и дискурсивную критику различные проявления *vita activa* деятельной жизни, связанные с молчанием: заявление о себе в молчаливом жесте, объявление как появление, предшествующее слову, сближение. При этом метод и критика вписываются в топологическую структуру города, с его пространствами возможного. Ключевым здесь становится образ мембраны, введенный Ж. Симондоном и развитый в перформативной теории Д. Батлер.

Результаты и обсуждение. Мембрана и есть тот модус возможности, в котором городская топика взаимодействий превращается в топологию молчания как действия, гневного, настойчивого, уверенного. Город сам по себе не производит никакой уверенности, но мембрана оживления города, когда и его архитектура, и его повседневность становятся живыми, производит уверенность совместного действия. Это уже не договоренность, открытая или молчаливая, но то молчание, которое само себя выворачивает наизнанку и предвосхищает новые конструктивные договоренности горожан, способствуя созданию гражданского общества.

Заключение. Полученные результаты позволяют уточнить понятия публичного пространства, перформативности речи и обращения к Другому, как и вообще установить границы образа Другого, не редуцируя его к отдельным когнитивным или практическим ситуациям. Молчание может пониматься уже не как часть фигур речи, но часть топологии речи и топологии города одновременно, внутри динамического посредничества между различными социальными позициями.

Ключевые слова: молчание, публичная сфера, фигуры умолчания, возможное, топология, город

Для цитирования: Штайн О. А. Молчание как высказывание: мембрана городской топологии // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 4. С. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-5-17.

© Штайн О. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Silence as Utterance: the Membrane of Urban Topology

Oksana A. Shtayn

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia,
shtaynshtayn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>*

Introduction. The article considers silence as a boundary between the public and the private, the crossing of which can be interpreted as a breach, but also as the formation of a new public image. If we rely on the conclusions of Hannah Arendt, then with multiple intersections not just an image of publicity is created, but a special locus of the political with its own boundaries. The image becomes an expression of action, indignant or reproachful silence becomes a political act, goes beyond the usual speech and becomes a performance, a step forward.

Methodology and sources. I analyze, using the phenomenological method and the critique of discourse, the various manifestations of *vita activa*, the active life, associated with silence: the declaration of oneself in a silent gesture, the declaration as an appearance preceding the word, *rapprochement*. I prove that method and critique are embedded in the topological structure of the city, with its spaces of the possible acts. The image of the membrane, introduced by Gilbert Simondon and developed in Judith Butler's performative theory, becomes key here.

Results and discussion. The membrane is the modus of possibility in which the urban topics of interactions turns into a topology of silence as action, writhing, insistent, confident. The city itself produces no certainty, but the membrane of the city's revitalization, when both its architecture and its everyday life become alive, produces the certainty of joint action. This is no longer an agreement, open or tacit, but that silence which turns itself inside out and anticipates new constructive arrangements of citizens, contributing to the constitution of civil society.

Conclusion. The obtained results allow us to clarify the notions of public space, performativity of speech and addressing the other, as well as to identify the boundaries of the image of the Other without reducing them to individual cognitive or practical situations. Silence can be understood no longer as part of figures of speech, but as part of the topology of speech and the topology of the city at one time, as part of the dynamic intermediation between different social positions.

Keywords: silence, public sphere, silent positions, possible, topology, city

For citation: Shtayn, O.A. (2025), "Silence as Utterance: the Membrane of Urban Topology", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 4, pp. 5–17. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-4-5-17 (Russia).

Введение. Социальная онтология на современном этапе требует обращения к первичной сборке онтологических построений, которые могут быть конвертированы в социальные. Наиболее убедительную сборку в XX в. создавала Ханна Арендт: ее политическое не ограничивается отдельными вариантами социальной физики, но сразу переходит на уровень социальной онтологии, критической для любой такой физики. Цель статьи состоит в актуализации такой онтологии внутри исследования топика молчания как индивидуального, так и коллективного.

Ханна Арендт в своих работах определяла начало нравственного и морального бытия человека. Она применяла как расклад принятую древними римлянами этимологию слова «персона»: «сквозь голос». Личность – всегда публичная речь, обращенная другим гражда-

нам. На самом деле этимология этого слова – передача греческого πρόσωπον – лицо, буквально налобник, наглазник. То есть для греков была важна маска как защита лица и тела, как имущества, тогда как римляне подчеркивали публичность такой защиты, возможность открытой тяжбы.

Арендт считала, каждый человек определяет систему отношений к себе не столько через события, сколько через рассказ о них, также как события в их борьбе за автономию предъявляют себя через язык, который выступает условием независимого мышления. Так независимости не поддерживают друг друга, а молчаливо встречаются.

Человек реализуется в двух сферах. Арендт делит сферы жизни на политическую и до-политическую – «частную сферу домохозяйств» [1, с. 180]. Личность формируется через голос (мы поем, кричим, поддерживаем, выступаем, пишем, молчим). Наш голос и пишет наши биографии. Голос всегда требует акустики, ищет расширения пространства влияния: красноречиво можно говорить и молчать, ввергая собеседника в краску и стыд («красноречиво молчать», *dum tacent clamant*, по Цицерону).

Память связывает воедино нити сознания. Так происходит не только о-сознание, но и о-бретение себя. В некоторых языках, отмечает Ханна Арендт, сознание как начало, организующее память, соответствует совести как началу, организованному памятью. Совесть и сознание тождественны. В такой связке знания, памяти и совести, которая и есть горизонт идей Ханны Арендт, и состоит научная новизна статьи, в которой впервые рассмотрено, как подход Ханны Арендт составляет не просто рефлексию над отношением индивида и коллектива, но и рефлексию над самими первичными параметрами индивидуации и коллективизации. Память как первичная критика опыта оказывается ключом для раскрытия этих скрытых сюжетов мысли Ханны Арендт и выявления их потенциала уже в новейшей мысли.

Память содержит информацию, знание, поэтому умалчивание, индивидуальное или коллективное, рано или поздно приводит к забвению – отречению не только от совести, информации, знания, окружающих, но и от себя. Ханна Арендт обосновывает на примерах, рассуждая о самих условиях появления публичного голоса, что ответственность – это ответ личности. Нежелание помнить или желание замалчивать и далее – снятие ответственности, т. е. неумение ответить ни перед собой, ни перед другими. Провалы исторической памяти, вырезание портретов в коллективных фотографиях семейных альбомов, замалчивание истории семьи преступны, потому что переступают через свидетельство Другого, не дают состояться свидетельству, которое уже есть, потому что уже есть Другой, выступивший за пределы своего я в поле общей речи. Невозможно заставить семью или народ замолчать и забыть, потому что это будет деформацией общей речи и отрицанием каждого отдельного носителя общей речи, это будет не просто замалчивание, а разрушение самого публичного слова и публичного молчания, которое и создает *res publica*, общее дело. Арендт уточняет, что еще Геродот свел понимание истории к ключевой задаче «спасать деяния людей от забвения» [2, с. 63]. В этой реактуализации памяти в социальной онтологии как неизбежной для онтологической рефлексии (онтологического вопрошания), а не только индивидуальной или коллективной социальной рефлексии, и состоит актуальность статьи.

Методология и источники. В статье рассматриваются основные труды Ханны Арендт, и задачей становится выявление основных топосов и соотнесение с топосами современной

политики. Методологией работы становится методология исторической критики, показывающей границы понятий города, публичной речи и индивида в обществе – мы выясняем историческую изменчивость таких понятий и необходимость для философской мысли напрямую обращаться к истокам истории. Это не историко-философский метод, учитывающий развитие идей, напротив, это метод проверки идей, насколько идея может убедительно переписать исторический опыт как опыт не только накопленных стандартов социального взаимодействия, но и опыт общей памяти, открывающий новые возможности публичного действия.

История как категория человеческого существования «старше, чем письменное слово, старше Геродота, даже старше Гомера» [2, с. 68], можно продолжить, старше слова произнесенного. Ханна Арендт полагает, что история начинается с рассказа Одиссея о своих странствиях, поэтому рассказ как ответственное повествование и является началом истории. Снятая с себя ответственность превращает человека в активный или латентный топос молчания и стыда. Это *damnatio memoriae*, истребление памяти, как стирание имен и лиц свергнутых императоров на римских стенах или вырезание фотографий заявленных «врагов народа» в семейных альбомах. Это радикальное лишение права на лицо и голос, не просто замалчивание или оттеснение на периферию, но утверждение системы лишений, лишенностей вместо системы создаваемой речи и молчания, обращенных к Другому. *Damnatio memoriae* – особое преступление против общего слова и дела, состоятельности общего дела, самого состояния человека, которое бессовестно санкционирует себя и потому не может быть обличено частным лицом, оно может быть обличено только коллективной совестью или покаянием.

Другой пример – различные искусственные стратегии лишения речи, такие как буллинг (травля), дискредитация чужой речи как недостаточной (неполной), нарциссическая автоматизация эффективной коммуникации (трансгрессия, наблюдающаяся у некоторых лидеров мнений) и другие. В этом смысле интересна культура отмены как социальный бойкот, но подразумевающий взаимное и взаимозависимое лишение речи: мы не будем с тобой общаться, чтобы ты не мог использовать свою речь как инструмент влияния. Этот бойкот стал возможен благодаря развитию сетевых медиа, а не городской жизни, так как конфигурации настаивания на речи и отказа от речи в большом городе, как мы покажем, всегда сложнее.

Мы определяем молчание как топос, ситуацию поиска речью своего места, когда речь где-то неуместна. Замалчивание – это искусственный слом городских топосов, например, когда блеск витрин замалчивает неравенство в современном городе. Умалчивание – это молчание, не ведущее к слому топосов, сохраняющее все топосы привычной жизни, например, социальная маска умалчивает о действительных намерениях человека, но позволяет сохранять все рутинные действия. Ханна Арендт критиковала как замалчивание, так и умалчивание. Мы исходим из того, что возможно внутреннее, продуктивное умалчивание, противостоящее замалчиванию, и в самой мысли Арендт указывается на возможность продуктивного отношения к внутреннему молчанию при условии реализации человеком своей политической природы. Мы доказываем, что эта продуктивность и есть перформативность, противостоящая политикам замалчивания.

Ханна Арендт критично относилась к политике умалчивания, к молчанию как политическому действию: «Мы лишаемся языка для использования в таких формах действия и со-

противления, которые нацелены на саму политику исключения» [2, с. 180]. Для Арндт молчание – зона трусливых табу и исключений, а речь, напротив, – условие внутреннего и внешнего развивающегося диалога, трансформирующего животную жизнь (зоэ) в социальную биографизированную (биос). «Я» рождает отношение к себе и отношение к другим, которое только отчасти фиксируется биографией. Поэтому такое самопредъявление является взятием слова, но не простой реплики, а биографического слова. Человек предъявляет себя в качестве биографического существа, слово оказывается первичным не только по сути сообщаемого, но и по порядку восприятия каждого человека другим человеком как Другого.

Внутренний диалог – это совесть и автокоммуникация, внешний диалог – это публичная вопрошающая речь. Внутреннее молчание всегда наполняется мыслью, словно ваза водой, а вот выведенное наружу молчание перед всеми – новая перверсия мысли, по Арндт. «Современный индивид составляет неотъемлемую часть общества, перед лицом которого пытается себя отстоять и от которого всегда терпит поражение» [2, с. 295], – пишет Ханна Арндт.

Для Арндт начать говорить – это начать говорить публично. У- или за-малчивание – произведенный личностью (группой) выбор несообщаемости, рано или поздно приводящий к забвению. Умалчивание, как и речь, являются равноправными социальными актами.

Результаты и обсуждение. Главным результатом исследования становится понимание города как места власти, но одновременно места проницаемого и проницательного молчания.

Ханна Арндт идеализировала полис, свободное объединение людей, позволяющее людям свободно высказываться и действовать. Римская «республика», *Res publica*, и есть общее дело, общественное хозяйство в противоположность частному домо-хозяйству (ойкономии).

С момента образования города-полиса «каждый гражданин отныне принадлежал двум порядкам существования, и его жизнь характерным образом строго делилась на то, что он называл своим собственным, и то, что оставалось общим». В публичном пространстве полиса действовал принцип равенства, в то время как частное домохозяйство опиралось на патриархальное неравенство. Публичная сфера изначально была наделена более высоким статусом, нежели частная. Слово статус того же корня, что слово статуя, нечто установленное и образцовое, образец, шаблон, с которым можно и нужно сверяться, в который нужно себя вписывать.

В книге «*Vita activa, или О деятельной жизни*» [3] Ханна Арндт говорит о возможности бегства из открытого публичного пространства в миры повседневной жизни, наукотворчества и просто творчества. Арндт тревожит состояние современного ей общества производства и потребления, замкнувшееся на себе самом с вечным требованием комфорта.

Как определяет деятельную жизнь Ханна Арндт? Активность – диалектически качественное понятие, определяющееся, как выразился бы Кант, на которого она часто ссылается, в мужестве пользоваться своим умом, чтобы высказываться и отстаивать свободу в публичной сфере.

Сфера политической жизни разворачивается в публичных мероприятиях с громкими историческими заявлениями, но стадии подготовки ее проходят в молчаливой сфере приватной жизни.

Молчанию как любому политическому действию необходима поддержка среды (окружающих людей) и места (стола для переговоров, парламентской трибуны или городской

площади). Часто городской топос (Площадь Восстания, Площадь Обороны, Зимний Дворец, Белый Дом) активируются происходящими на них или в них политическими событиями. Топос молчания (место расположения сил) пребывает в ожидании момента, когда с ним вступят в отношения. У Ж.-Л. Нанси *отношения* как способ установления разнородности через сближение и отдаление выступают условием бытия [4].

Чем является молчание, сближением или отдалением? За-, у-малчивание определенной информации является актом договоренностей относительно табуированных имен и фигур, городов, стран и коалиций. Умалчивание становится высказыванием, тогда как молчание – возможным голосом. Вспомним Цицерона. Говоря о римской республике, его имя и голос уместны для примера. Молчание для Цицерона не только как политический, но и ораторский и литературный прием: возмущенное молчание, красноречивое молчание, изумление, поднимающее *Res Publica Romana* до высоты философского отношения и к своим прошлым, и к своим будущим событиям.

Именно область риторики создает связку между городским и художественным пространствами, которая нас больше всего интересует. Городское пространство – это пространство достигающей, звучащей речи, которая может быть прямо заявлена перед всем городом (античное народное собрание) или косвенно дойти в виде слухов, медийных отражений, отдельных вспышек эмоциональных реакций на происходящее. Риторика – это не столько искусство убеждать по какому-то конкретному вопросу, сколько способ обобщения событий как бывших, так и вероятных. Этим риторика обогащает социальную и политическую философию, показывая пример того обобщения событий, где и выявляется зона молчания как зона уже специфической рефлексии. Артикуляция события приводит к образованию молчащих топосов социальной жизни: молчаливого одобрения, молчаливого возмущения и т. д. Эти топосы уже могут быть схвачены поэзией, а не политической критикой.

М. Н. Виролайнен называет словесную культуру зоной озвученного, огласованного, согласованного, названного, артикулированного: «Зона речи всегда соседствует с не менее значимой зоной молчания, с полем неназываемого, которое участвует в строительстве культурного целого не менее активно, чем речь» [5, с. 503]. О-гласованность переходит в согласование, а значит, артикулированность – со-гласность, гласность, которая не в присутствии одного. В таком случае зона молчания как топос социальной жизни, высказывание это и есть критерий со-гласования, что не только про-говаривается, но и у-малчивается. Пространство молчания – большая совместность произнесенного голоса (гласность) и произнесенной информации (умолчание).

Соотношение влияния зон речи и молчания в литературных произведениях непостоянно. Фигура умолчания (апосиопесис) в классической литературе иная, нежели молчание как аффект в романтической традиции. Так, у Цицерона молчание – это негодование, а у Тютчева – порыв к трансцендентному. Сравним, Цицерон: «Их молчание – это громкий крик», или «Молчание – это фигура речи, не требующая ответа, холодная, но ужасно суровая». В молчании суровость и прошлых, и будущих событий из жизни римского общества, их уже не предъявление всем, которое было в слове и законе, но само собой разумеющаяся данность, представленная философу.

У Ф. Тютчева *Silentium* [6, с. 123]:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими и молчи.

Зоны молчания А. С. Пушкина Ю. Тынянов назвал «поэтическими эквивалентами текста» [7, с. 43], равноправными другим строфам. Незавершенность высказывания, многоточия, зона молчания и лакуна речи встречаются в русском романтизме и у В. Жуковского. Прием молчания в его поэзии перерастает в пафос невыразимого словами. «Silentium» Ф. Тютчева и О. Манделштама разнятся. В конце XIX в. оно имеет в виду индивидуальный интерес каждого читателя, оно лирично, а в модерне XX в. оно может быть обозначено как мистический топос, ситуация «Я – нахождения» и ощущения. Это уже не «их», «ее», «его» молчание, это молчание «Я» [8, с. 16]:

Но с той поры я чтить привык
Святой безмолвия язык.

Молчание – это прием несказанности, неназванная фигура (апосиопесис) онтологическое единство. Парменид: «Одно и то же мышление и то, о чем мысль, ибо без сущего, о котором она высказана, тебе не найти мысли» [9, с. 291]. К этому тождеству внутри самопроизводства Я, его самообнаружения и честности перед собой и возвращается русский Серебряный век.

М. Бахтин выделял два типа авторской активности: диалогическая, «вопрошающая, провоцирующая, отвечающая, соглашающаяся, возражающая» и активность «завершающая, овеществляющая, каузально объясняющая и умерщвляющая» [10, с. 310].

Та действительность, с которой слово может вступить в отношения – это действительность смысла, т. е. *logos*. В этой действительности смысла молчание и есть тот топос, из которого голос автора разворачивается в логос. Автор вступает в действительность своего же вопроса или ответа, и завершающая и овеществляющая активность как принадлежащая всему миру, о котором вопрошает автор, становится уже не мертвящей, но наоборот, универсализующей жизнь с ее смертностью и бессмертием. Так происходит инверсия порядка «энергии» и «эргона». Эргон оказывается самораскрывающим себя, саморефлектирующим, автокоммуникативным принципом, тогда как энергия коммуникации должна быть авторизована, чтобы автокоммуникация могла состояться вне нас. Она, состоявшись, позволяет нам признать универсальность логоса.

Молчание универсально в любой авторской позиции, оно может провоцировать и умерщвлять, возражать и овеществлять.

В «Заметках на полях перформативной теории собрания» Дж. Батлер говорит о социальном феномене «коллективного тела», или «множественной телесности» [11]. Она опирается в своих трудах на термин *биополитика* М. Фуко, а также термин «политическое тело», осуществляющее свое право сопротивляться возможному или реальному вытеснению и контролю. У Д. Батлер формой перформативного политического высказывания, способом

обращения к обществу является «акция в ее телесном измерении», [11, с. 114] – массовое действие, которое порождает пространство исторического проявления.

Молчание как предел и экзистенциальная граница снимает оппозиции и полярности. Такие пределы Ж. Делёз называл «мембранами»: «Благодаря мембранам внутреннее и внешнее, высота и глубина обретают биологическую ценность в топологической поверхности контакта» [12, с. 140]. Ж. Симондон говорил, что «...живое живет на пределе самого себя, на собственном пределе. Характерные для жизни полярности пребывают на уровне мембраны» [13, с. 142]. Молчание является хрупкой мембраной, тайной, секретом, засекреченной информацией, подпиской о неразглашении.

Теория мембраны Симондона исключительно продуктивна для понимания индивидуальности города. Симондон настаивал на том, что само понятие индивида не может быть сведено к некоторой умозрительной точке: философское рассуждение нельзя подчинять не только грамматике обыденного языка, но и внутренним школой геометрическим представлениям. Представление о точке отсчета, точке координат внушено школьной физикой, адаптацией физических открытий и оптических моделей и не может описать индивида в его трансценденции, в его открытости и выходу к Другому. Самое большее, можно переписать Другого как альтернативную точку целеполагания как в экзистенциализме. Симондон же предложил другое: переписать индивидуальное как мембрану, где всякое самопроявление, включающее авторефлексию, оказывается поверхностным натяжением. Мембрана становится упругой, и тем самым за рефлексивными процессами запускаются жизненные процессы, возникает то, что Арндт и называла *жизнью ума*. Тогда можно говорить об индивидуальности города, жизнь ума которого и есть телесность города, т. е. способность города представить затаенное, интимное как часть социальной дискуссии.

Понятие «телесность» наряду с понятием «субъектность» вызывает к проблематизации ее пределов. Поверхность мегаполиса как поверхность субъектности и телесности расширяется: «бестелесный предел, когда симулякры перестают быть подпольными мятежниками и производят большую часть своих эффектов», снимая оппозицию тайное/явное. Глубина снимается поверхностью, и это перестает быть антиномией, дихотомией, тайной. За-, у-малчивание тогда должно быть признано тайной в пространстве приватного, а голос и оглашенное – зоной публичного предъявления.

Чтобы переосмыслить устройство и эффект современных народных демонстраций, полагает Дж. Батлер, важно «понять акцию в ее телесном измерении» [14]. Д. Батлер структурирует свою нашедшую лекцию 2011 г. «Союз тел и политика улицы» [15] как полемику с Ханной Арндт, для которой политика возможна только там, где возможна публичность, где слышен голос (голос с трибуны или на площади). Для Батлер заявлять о себе в политике можно и молчаливо, но не просто с негодованием, а обличая умалчивания и общие места текущей политики, перформативно их пародируя и тем самым разоблачая.

Политический режим может как разрешать, так и запрещать действовать и высказываться публично: одна информация произносится, в то время как другая умалчивается.

Тело, согласно Ж.-Л. Нанси [16], равноправно в возможности своего проявления, оно открыто явлению. Таким образом, «когда тела проявляются совместно или когда через их действие придается существование пространству проявления» [16, с. 55], они осуществ-

ляют требование равноправия. Именно здесь *мембрана* и создает должное напряжение, артикулирующее как продуктивное молчание, так и продуктивную речь.

Демонстрации и митинги часто требуют от вышедших на площади и улицы того, что мы назвали бы удержанием территории. «Тела действуют перформативно, даже когда они спят на публике или организуют коллективные способы уборки территории, которую они удерживают» [11, с. 57], полагает Дж. Батлер. Постоянное присутствие огромного числа людей определяет потребность устройства повседневного быта, и эта молчаливая потребность становится важнее плакатов и речевок. Это устройство, топология устройства политической сферы, и нужно, чтобы оно не столько устраивало всех участников, сколько обнажало собственное устройство, – и тогда прямо предъявленное, обнаженное в своей речи или молчании тело и показывает, что возможно другое, более справедливое устройство коллективного действия.

Демонстрацию общего повседневного обихода Батлер определяла как обнаженную телесность. «Если мы таким образом подойдем к вопросу о био-политическом, то можем увидеть, что пространство проявления не принадлежит сфере политики, отделенной от сферы выживания и потребностей», – говорит там же Батлер. Тело можно редуцировать и не редуцировать к речи, бывает, что его проявления не совпадают с заявленными речами. Но тело уже не просто дано, но пред-дано политическому быту, политическое – место, где тело сбывается, где оно становится событийным и сбывшимся, где оно в борьбе за признание получает в своем молчании и речи то молчаливое, то говорящее признание. Тело переключает от эмоционального равнодушия к эмоциональной вовлеченности. Молчание является одним из модусов проявления события.

Молчание войска

Стустилось как грозовая туча –

Эту цитату из стихотворения Сергея Круглова «Борис и Глеб» приводит российский философ, профессор РГГУ А. В. Марков в статье о современной русской поэзии [17, с. 282], иллюстрируя столкновение поэтического рассказа с событиями, для которых не может пока быть слов или понятий. Рассказ остается рассказом, но берется в рамку молчания и более того, молчание и становится главным движущим механизмом самого появления рассказа, его проявления как факта эмоции и понимания. Поэтический строй является условием эмоциональной вовлеченности читателя и просто гражданина государства в исторические события. Молчание может быть не только грозовой тучей, ясным или звездным небом Канта, это прежде всего ощущение, захватывающее толпу (войско, демонстрацию, вообще строй, как строй звездного неба, строй небесных явлений или исторических сдвигов). Вспомним З. Гиппиус, которая в молчании, безмолвии толпы описывала настроение (умонастроение или мироощущение) через описание неба. Март 1917 г. она представляет периодом слияния народа и интеллигенции в общем историческом порыве через «золотую метель»: «С утра текут, текут мимо нас полки к Думе. И довольно стройно. С флагами, со знаменами, с музыкой... День удивительный: легко-морозный, белый, весь зимний и весь уже весенний. Порой начиналась неожиданная, чисто вешняя пурга, летели, кружась, ласковые, белые хлопья и вдруг золотели, пронизанные солнечным лучом» [18, с. 166]. И через метафору безмолвия описывает Зинаида

Николаевна октябрь 1917 г.: «Мзглять, тишь, без-молвие, безлюдие, серая кислая подушка. На окраинах листки. Объявляется, что “правительство низложено”» [18, с. 267–268].

Тело толпы обладает не только силой действия, но и силой молчания. Молчащие тела могут наполнять городское пространство коллективным укором. «Коллективные действия сами овладевают местом, оживляют и организуют архитектуру», «реконфигурируют материальность публичного пространства» [11, с. 248]. Место пребывания молчащих тел помогает им самим и окружающим переосмыслить исторические перспективы.

Высказывание доносится не только благодаря лозунгами или речевкам, но и посредством молчания. Современная общественная или политическая действительность всегда сопровождается медиа, которые интерпретируют в новостном эфире жест молчания.

Медиа про-являют, доносят информацию, они как раз устройства, они определенным образом устроены. Вероятно, это то, что С. Сассен называет «глобальной улицей» [19]. Камеры никогда не выключаются, а тела, соответственно, никогда не перестают говорить, даже если они молчат. Соответственно, перформативное собрание выворачивает наизнанку это устройство, говорит о его изнаночной стороне и показывает возможность действия вне привычных устройств сообщения.

Заключение. В книге «*Vita activa, или о деятельной жизни*» Х. Арндт противопоставляет открытое публичное пространство приватному интимному, и критерием деления является право голоса и право на голос, который (за-)явлен или нет. Эта мысль была в ходе работы обогащена сравнением поэтической топологии, в которой всегда зона молчания оказывается зоной ответственности за чужое решение, и городской топологии, где всякое решение становится своим в публичном выступлении. Путь выхода из современных кризисов политических дискуссий – сближение поэтической и городской топологии.

Х. Арндт заявляет, что истинное бытие человека проявляется в публичной сфере, выступать открыто – это проявление человеком смелости и даже отваги. *Vita activa* противопоставит *vita contemplativa*, жизни созерцательной. Она, деятельная жизнь, может разворачиваться только в публичной сфере, и идеальным местом для этого служит историческая модель греческого полиса. Мы показали, что эта деятельная жизнь и созерцается созерцательной жизнью, но эта созерцательная жизнь включает в себя зону умалчивания. Она может пониматься как зона невероятного, но в реальной политической практике перекодируется как зона вероятного. Необходимо особое усилие поэзии и вообще перформативного творчества, чтобы вернуть вероятное к невероятному, риторику обратить к самым масштабным событиям и тем самым сделать любые деятельные решения решительными и творческими – устремлением *жизни ума* к тому, что еще недавно казалось невероятным.

При установлении колониальных империй, капитализма и промышленного производства, отчужденного труда и массового потребления работа для большинства людей стала автоматизированным процессом. Способность действовать и говорить стала прерогативой политиков, общественных деятелей, активистов, ученых и писателей. Арндт критикует современное общество за политическое молчание со стороны большинства и политическое умалчивание со стороны власти. Мы показали, что это политическое молчание и политическое умалчивание могут стать частными топосами города, тогда как общим логосом города станет перформативность общего действия, перформативность, имеющая в виду поэтические, мета-

форические способы описания общности. Общее пространство, общая воля, общая мысль – это всегда метафоры, а не верифицируемые реальности, но именно они верифицируют и современный большой город как политическое пространство, где можно не принимать чужую волю, но настаивать на своей осознанной воле, разделяемой и другими горожанами.

В эссе «О насилии» Арендт говорит, что «власть соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать сообща» [20, с. 44]. Власть – это прежде всего согласованные действия и согласованное умалчивание. И тогда мембрана города и есть молчание, которое и может оспорить прежние, некогда согласованные умалчивания, способствуя новым продуктивным формам гражданского согласия и взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / пер. С. Кастальского, Н. Рудницкой. М.: Европа, 2004.
2. Арендт Х. Между прошлым и будущим / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
3. Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни / пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Ad Marginem, 2018.
4. Нанси Ж.-Л. Очевидность фильма: Аббас Киаростоми / пер. с фр. А. Гараджи. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021.
5. Виролайнен М. Н. Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Пальмира, 2016.
6. Тютчев Ф. И. *Silentium* // Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1813–1849. М.: Классика, 2002. С. 123.
7. Тынянов Ю. Н. Проблемы стихотворного языка. Статьи. М.: Советский писатель, 1965.
8. Иванов В. И. Стихотворения. Поэмы. Трагедия: в 2 кн. Кн. 2. СПб.: Академ. проект, 1995.
9. Парменид. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М.: Наука, 1989. С. 286–298.
10. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.
11. Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
12. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Академ. проект, 2011.
13. Смулевич А. Б. Концепция *borderline states*. СПб.: Алетейя, 2008.
14. Butler J. *A Politics of the Street* // YouTube. 2012. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=v-bPr7t4tgA> (дата обращения: 15.12.2024).
15. Butler J. *Bodies in Alliance and the Politics of the Street*. 2011 // *Transversal texts*. URL: <https://transversal.at/transversal/1011/butler/en> (дата обращения: 15.05.2025).
16. Нанси Ж.-Л. *Corpus* / пер. с фр. Е. Петровской, Е. Гальцовой. М.: Ad Marginem Press, 1999.
17. Марков А. В. Современная русская поэзия в период интенсивных событий // Философия. Журнал Высш. шк. экономики. 2022. Т. 6, № 3. С. 256–288. DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-256-288>.
18. Гиппиус З. Петербургские дневники (1914–1919). NY: Орфей, 1982.
19. Sassen S. *The Global Street Comes to Wall Street* // *Possible Futures*. 22.11.2011. URL: <http://www.possible-futures.org/2011/11/22/the-global-street-comes-to-wall-street/> (дата обращения 15.12.2024).
20. Арендт Х. О насилии / пер. с англ. Г. М. Дашевского. М.: Новое изд-во, 2014.

Информация об авторе.

Штайн Оксана Александровна – кандидат философских наук (2005), доцент кафедры социальной философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, пр. Ленина, д. 51, Екатеринбург, 620075, Россия. Автор 10 книг и более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, феномен маски, телесность в культуре, женщина в истории философии, социальная коммуникация.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 18.12.2024; принята после рецензирования 21.03.2025; опубликована онлайн 22.09.2025.

REFERENCES

1. Arendt, H. (2004), *Eichmann in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil*, Transl. by Kastal'skii, S., and Rudnitskaya, N., Evropa, Moscow, RUS.
2. Arendt, H. (2014), *Between Past and Future*, Transl. by Aronson, D., Gaidar Institute Press, Moscow, RUS.
3. Arendt, H. (2018), *Vita Activa oder vom Tätigen Leben*, Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
4. Nancy, J.-L. (2021), *Abbas Kiarostami: The Evidence of Film*, Transl. by Garadzha, A., Garage Museum of Contemporary Art, Moscow, RUS.
5. Virolainen, M.N. (2016), *Rech' i molchanie: syuzhety i mify russkoi slovesnosti* [Speech and silence: Plots and myths in Russian literature], Pal'mira, SPb., RUS.
6. Tyutchev, F.I. (2002), "Silentium", *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and letters], in 6 vols., vol. 1: Poems 1813–1849, Izdatel'skii tsentr "Klassika", Moscow, RUS, p. 123.
7. Tynyanov, Yu.N. (1965), *Problemy stikhotvornogo yazyka. Stat'i* [The problem of poetic language. Articles], Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.
8. Ivanov, V.I. (1995), *Stikhotvoreniya. Poemy. Tragediya* [Poems. Poems. Tragedy], book 2, Akademicheskii proekt, SPb., RUS.
9. Parmenid (1989), "About nature", *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of early Greek philosophers], part 1, Nauka, Moscow, USSR.
10. Bakhtin, M.M. (1963), *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics], Sovetskii pisatel', Moscow, USSR.
11. Butler, J. (2018), *Notes Toward a Performative Theory of Assembly*, Transl. by Kralachkin, D., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
12. Deleuze, G. (2011), *Logique Du Sens*, Transl. by Svirskii, Ya.I., Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.
13. Smulevich, A.B. (2008), *Kontseptsiya borderline states* [The concept of borderline states], Aleteiya, SPb., RUS.
14. Butler, J. (2012), "A Politics of the Street", *YouTube*, 2012, available at: <http://www.youtube.com/watch?v=v-bPr7t4tgA> (accessed 15.12.2024).
15. Butler, J. (2011), "Bodies in Alliance and the Politics of the Street", *Transversal texts*, available at: <https://transversal.at/transversal/1011/butler/en> (accessed 15.05.2025).
16. Nancy, J.-L. (1999), *Corpus*, Transl. by Petrovskaya, E. and Gal'tsova, E., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
17. Markov, A.V. (2022), "Contemporary Russian Poetry in a Period of Intense Events", *Philosophy J. of the Higher School of Economics*, vol. 6, no. 3, pp. 256–288. DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-256-288>.
18. Gippius, Z. (1982), *Peterburgskie dnevniki (1914–1919)* [The Petersburg Diaries (1914-1919)], Orpheus, NY, USA.

19. Sassen, S. (2012), "The Global Street Comes to Wall Street", *Possible Futures*, 22.11.2011, available at: <http://www.possible-futures.org/2011/11/22/the-global-street-comes-to-wall-street/> (accessed 15.12.2024).

20. Arendt, H. (2014), *O nasilii* [About Violence], Transl. by Dashevskii, G.M., Novoe izdatel'stvo, Moscow, RUS.

Information about the author.

Oksana A. Shtayn – Can. Sci. (Philosophy, 2005), Associate Professor at the Department of Social Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, 51 Lenin ave., Ekaterinburg 620075, Russia. The author of 10 books and more than 100 scientific publications. Area of expertise: philosophy of the mask, corporeality in culture, woman in the history of philosophy, philosophy of language, social function of philosophy.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 18.12.2024; adopted after review 21.03.2025; published online 22.09.2025.